

Свой данный труд я посвящаю вам, мужественным людям — бывшим гражданам колхоза Акбузау, его первым организаторам, братьям-коммунистам Амангельдиновым — Нурашайыку и Нигану.

Уважаемый отец, ты погиб осенью 1943 года на земле Украины. Весной того же года, во время Ленинградской блокады, погиб и ты, дорогой мой брат. В это время я служил на другом фронте и не мог быть рядом с вами, не смог положить горсть земли на ваши могилы. До сих пор не знаю, где вы похоронены. Но уверен, что вы пали смертью храбрых, защищая нашу Родину от фашистов, и похоронены в братской могиле.

Два рядовых воина Великой Отечественной войны, пусть эта книга станет памятником, который я воздвиг вам!

Неизвестные солдаты, кто покоится рядом с моим отцом и братом, примите эту книгу, как горсть земли, как купол, поднятый над вашими покоем!

Автор

Жить — Родине служить.
Русская пословица

ДИАЛОГ ПЕРВЫЙ

I

Алма-Ата прекрасна во все времена года. Вот и сейчас: уже конец сентября, а наша столица озарена ярким солнцем. На градуснике плюс двадцать пять. И хотя еще довольно жарко, пожелтевшая листва могучих карагачей говорит о наступлении осени.

Я иду вверх по улице Фурманова. Несколько пожухлых листьев плавно опускаются к моим ногам. Щемящая жалость к ним вдруг захлестывает меня, и я стараюсь осторожно обойти их. Невольно думаю: «Вот она, жизнь-то! На какую бы высоту ни вознесся когда-то, коль придет старость — будет тянуть к земле».

Перейдя Комсомольскую улицу, я внимательно приглядываюсь к номерам домов, порой совершенно скрытых в густой зелени. Где-то здесь должен быть дом, который я ищу. И вот наконец трехэтажное здание. На его углу белой краской крупно выведено: № 117. Сердце почему-то испуганно екает, как когда-то на фронте перед атакой. Не без робости поднимаюсь на третий этаж. Нужная мне шестая квартира — налево. Долго в полутьме ищу кнопку звонка. Осторожно нажимаю на нее. И тут же смотрю на

часы: не опоздал ли? Часы показывают ровно двенадцать. Как-то примет меня знаменитый и суровый хозяин дома?

...Летом 1943 года нашу 100-ю отдельную стрелковую бригаду перебросили с одного участка Калининского фронта на другой. Во время марша в мои руки попал свежий номер журнала «Знамя», в котором было опубликовано начало повести Александра Бека «Панфиловцы на первом рубеже». Я много слышал о легендарной Панфиловской дивизии, о ее двадцати восьми героях и лично знал двоих — казахов Малика Габдуллина и Тулегена Токтарова. Поэтому я с жадностью набросился на повесть. Читал и днем, когда мы останавливались на короткий отдых, и ночью. О прочитанных главах рассказывал по пути товарищам. Потом, уже на передовой, к нам пришел следующий номер журнала. Окончание повести о панфиловцах я дочитывал у орудия при тусклом свете крошечной лампочки, которая необходима для освещения прицельного приспособления. Когда была перевернута последняя страница, аккумулятор сел. Что и говорить, на передовой — это преступление. Наутро я поспешил сам признаться в содеянном командиру взвода лейтенанту Полянцеву.

Поляnceв был вспыльчивым человеком. Узнав о причине порчи аккумулятора, он пришел в ярость. Я виновато молчал, вытянувшись перед командиром в струнку. Выкричавшись как следует, лейтенант поутих и, отобрав погоны, наган и ремень, отправил меня на трое суток на гауптвахту. Пристыженно опустив голову, я, как мокрая курица, с безвольно раскрылатившимися полами неподпоясанной шинели, побрел под конвоем на «губу», что располагалась около штаба дивизиона.

Не успев отойти от позиции на несколько метров, я увидел командира дивизиона майора Сахоня, подъезжающего на коне к нашей батарее. Мы очень любили и уважали Сахоня, сдержанного, умного и справедливого. Он знал

буквально всех своих подчиненных артиллеристов — от офицера до рядового.

Я, хоть и шел в сопровождении вооруженного солдата, при виде командира подтянулся и, держа руки по швам, прошел мимо, твердо печатая шаг. Майор, узнав меня, придержал коня.

— А ну, стойте! — скомандовал он моему конвоиру.

Подъехав ближе, майор Сахонь насмешливо спросил меня:

— Куда путь держишь, товарищ старший сержант?

— На гауптвахту, товарищ майор, — щелкнул я каблуками.

— За что?

— За то, что посадил аккумулятор при чтении книги.

— Не-хо-рош-шо, — покачал головой Сахонь.

— Виноват, товарищ майор.

— А что за книга?

— О панфиловцах.

— Понравилась?

— Очень, товарищ майор! — с энтузиазмом воскликнул я.

— Восхищался мужеством Момышулы и других своих земляков?

— Еще как восхищался, товарищ майор!

— И я восхищаюсь. А товарищам рассказал содержание этой книги?

— Так точно. Всей батарее.

— Тогда ты настоящий джигит, — одобрительно сказал Сахонь. — Кто тебя отправил на гауптвахту?

— Командир взвода лейтенант Полянцев, товарищ майор.

— Так, так, лейтенант Полянцев... Возвращайся во взвод и приступай к своим обязанностям. Лейтенанту передай мое распоряжение. И скажи, что он мне нужен.

— Есть, товарищ майор!

Я как на крыльях полетел к нашей батарее, забрал у старшины свои погоны, ремень, наган и не спеша направился к опушке леса, где командир взвода проводил занятия с бойцами.

Увидев меня, лейтенант Полянцев удивился:

— Почему до сих пор ходишь здесь вразвалку?

— Не вразвалку, а прямо, товарищ лейтенант.

— Я тебе приказал идти на гауптвахту!

— С полдороги вернулся, товарищ лейтенант.

— Как это — вернулся?! По какому праву?! — Ноздри Полянцева яростно раздулись и побелели. — Ты у меня за это ответишь! Омарбаев! — приказал он стоящему рядом сержанту. — Сейчас же отведите его на дивизионную гауптвахту.

Омарбаев нехотя направился ко мне. Я дал ему знак не очень торопиться и, вытянувшись по стойке «смирно», обратился к Полянцеву:

— Разрешите доложить, товарищ лейтенант!

— Не разрешаю!

— Если не разрешаете, то я так буду докладывать. Ваше распоряжение, товарищ лейтенант, отменил командир дивизии майор Сахонь, — с наслаждением выпалил я. — И еще майор приказал, чтобы вы немедленно явились к нему.

— Почему до сих пор не доложил, что он требует к себе? — всполошился Полянцев.

— Хотел доложить, но вы же мне не разрешали, товарищ лейтенант.

Полянцев, бросая гневные взгляды в мою сторону, торопливо поправил фуражку на голове, подтянулся, разгладил складки гимнастерки под ремнем.

— Где майор?

— На позиции. Видите, вон жеребец его стоит.

Полянцев торопливо побежал к орудиям. Мне было слышно и как он громко отрапортовал Сахоню, и весь их дальнейший разговор.

— За что наказали командира орудия, товарищ лейтенант? — спросил спокойным голосом майор Сахонь.

— За то, что он, читая книгу при свете лампочки, вывел из строя аккумулятор, товарищ майор. Согласно устава, за нарушение дисциплины я имею право наказать бойца.

— Право-то, конечно, у вас есть. Однако надо уметь пользоваться им, товарищ лейтенант. Да, старший сержант вывел из строя аккумулятор. А почему? Да потому, что читал запоем прекрасную книгу. Нужную нам сейчас книгу. И передавал ее содержание бойцам батареи, зажигал огонь в их сердцах. А вы не учли этого, товарищ лейтенант. Сами-то вы читали книгу о Момышулы?

— Никак нет, товарищ майор.

— А что бы вы сказали, если бы я наложил на вас домашний арест на трое суток за то, что вы не удосужились ее прочесть?

— Есть, товарищ майор, трое суток домашнего ареста. Но где же мне взять эту книгу?

— Попросите у своего старшего сержанта. Арест я вам не объявляю, товарищ лейтенант. Однако запомните этот случай.

Два моих номера журнала «Знамя» пошли по батарее из рук в руки. Бойцы-казахи, приученные с детских лет наизусть заучивать целые поэмы о батырах, быстро запомнили эту повесть. Так мы заочно познакомились на фронте с «человеком, у которого нет фамилии» — героем повести Александра Бека, мужественным командиром батальона Бауыржаном Момышулы. Буквально замороженные этим образом, мы во всем хотели походить на него — быть такими же решительными, твердыми, отважными батырами, как он. Мечтали своими глазами увидеть этого прославленного героя.

На фронте, к сожалению, мне не суждено было с ним встретиться.

Только спустя восемнадцать лет после войны мне довелось поговорить с Момышулы. И то по телефону. За эти годы вышли в свет одна за другой его собственные книги «Наша семья», «Облик бойца», «За нами Москва». Они еще больше укрепили мое почтительное отношение к Момышулы. Если раньше я уважал его как героического командира, то теперь стал уважать еще и как талантливого писателя.

В 1961 году я работал в алма-атинской газете. Летом исполнялось сорок лет Казахской ССР, и мы готовили специальное праздничное приложение к газете. В юбилейный номер была запланирована и статья Момышулы. Однако работники редакции почему-то один за другим отказывались вести переговоры с Бауыржаном. Тогда я еще не понимал — по какой причине.

— С ним очень трудно контактировать, — объяснили наконец мне. — Если он не в духе, то и разговаривать не станет. Надежнее всего будет, если вы сами обратитесь к нему.

Я тут же позвонил Момышулы.

— Здравствуйте, Бауке. С вами говорит замредактора газеты «Социалистик Казахстан»... — торопливо представился я, полагая, что военный человек, должно быть, уважает тех, кто говорит бодро, четко и коротко. — В юбилейный номер мы запланировали вашу статью, Бауке, и хотели бы...

— Стой! Как твоя фамилия? — перебил меня Момышулы.

Я повторил.

— Такого человека не знаю, — отрезал он. — И поэтому разговаривать не желаю!

В трубке раздались отрывистые гудки.

Я растерялся. Со мной как с журналистом впервые обошлись так откровенно пренебрежительно. К тому же, став совсем недавно заместителем редактора республикан-

ской газеты, я весьма самоуверенно относил себя к числу именитых литераторов. И вот теперь Момышулы, как младенцу, дал щелчок по носу этому «именитому» — повесил трубку, не желая даже разговаривать с ним. Обида захлестнула меня.

Потом Момышулы все же написал для газеты статью и даже извинился за то, что невежливо обошелся со мной. Но я с тех пор все-таки старался обходить его стороной...

И вот теперь я стою у порога квартиры этого человека и с замиранием сердца нажимаю кнопку звонка.

Дверь открыла статная высокая женщина в цветастом длинном халате. Вежливо поклонившись ей, я попросил разрешения войти.

Прямо напротив входной двери — кухня. За столом, с пиалой в руках, величественно восседал высокий мужчина в наброшенном на плечи старом военном кителе. Меня поразил его гордый облик. Все в нем было очерчено четко и скульптурно, словно искусный мастер высек это мужественное, красивое лицо из гранита: крутые скулы, резкие провалы щек, высокий лоб, рассеченный морщинами, прищуренные, в упор глядящие глаза, густые вислые усы.

Переступив порог, я приложил правую руку к груди и почтительно вымолвил:

— Здравствуй, Бауке!

Бауыржан поднял голову и молча пристально посмотрел на меня.

«Вот те раз! Сразу все испортил. Наверное, надо было сказать по-казахски “ассалаумагалеikum”?» — лихорадочно пронеслось у меня в голове.

Мне тут же вспомнился случай с одним радиожурналистом. Пришел он как-то брать интервью у Бауыржана. Парень молодой, модный, с длинноволосой прической.

«Кто ты?» — спрашивает его с недоумением Бауыржан.

«Я корреспондент радио, агай. Хотел с вами поговорить».

«Я спрашиваю, кто ты: женщина или мужчина?»

«Мужчина, агай».

«Кру-гом!» — скомандовал ему Бауыржан.

Оторопевший радиожурналист, повинуясь властному приказу, покорно повернулся лицом к двери.

«Если ты мужчина, то подстригись по-мужски. А теперь — шагом марш!»

Бедному парню и волосы стричь жалко, и задание редакции не выполнить нельзя. А тут еще главный редактор требует:

«Не только волосы, хоть голову снимай, но чтобы материал сегодня был!»

Что оставалось джигиту: пошел в парикмахерскую. А уж затем — к Бауыржану.

После этого случая другой журналист, которому поручили взять интервью у Момышулы, вернувшегося с Кубы, с испугом отказался:

«Да лучше прикажите, чтобы я погладил гриву льва, чем посылать меня к Бауыржану!»

Вспомнив все это, я не на шутку оробел.

— Подойди сюда, — строго велел Бауыржан, продолжая пристально разглядывать меня.

С мыслью: выгонит или нет, я робко подошел к нему. Бауыржан протянул руку:

— Жив-здоров?

— Ничего, Бауке, — облегченно выдохнул я. — Спасибо!

— Садись, — почти приказал он, указывая на стул позади меня.

— Как ваше здоровье, Бауке?

— Я — рыцарь, — усмехнулся Бауыржан. — Ты что-нибудь смыслишь в болезнях рыцарей?

Я на всякий случай покачал головой.

— С желудком, сердцем, легкими, печенью, горлом — все в порядке. — Бауыржан погладил грудь и живот, затем

перевел руки на поясницу. — А собака-то зарыта здесь, в спинном мозгу. Не могу ходить. Дают себя знать старые раны.

— Я слышал, вас ранило в позвоночник, — сочувственно сказал я.

— Да... В сорок втором. — Бауыржан задумчиво потер подбородок. — Помню, очнулся в медпункте, лежу лицом вниз на топчане, а фельдшер в это время говорит кому-то: «Немедленно отправить в госпиталь!»

Я в то время полком командовал, и положение у нас было отчаянное.

«Куда меня?» — спрашиваю фельдшера, хотя чувствую — горит нестерпимым огнем спина.

«Около самого позвоночника пуля застряла, — отвечает тот озабоченно. — Вынуждены немедленно отправить вас в госпиталь. Необходима операция».

«А у тебя что, скальпеля нет?» — спрашиваю, а сам зубами скрежещу от боли.

«Нет».

«Ну хоть лезвие какое-нибудь есть?!»

«Есть. Но...»

«Обрабатывай его спиртом и режь, где застряла пуля. Режь сейчас же!»

«Это невозможно, товарищ капитан...»

«Возможно! Приказываю! Не выполнишь — застрелю!» — закричал я.

Что фельдшеру оставалось делать? Приступил к исполнению моего приказа. И начал он, голубчик, без всякой анестезии полосовать мне спину. А я сжал рукоятку пистолета с такой силой, что казалось, она вот-вот треснет.

«Все, товарищ капитан», — произнес наконец с облегчением фельдшер, кладя передо мной извлеченную пулю.

После перевязки я, шатаясь от слабости, кое-как добрался до передовой, а уж там, в горячке боя, и про боль позабыл. Рана понемногу сама собой так и зажила.